

В. И. ЕРМОЛАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ

(К 150-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ 1810—1826 гг.)

Освободительное движение в американских колониях Испании и Португалии, переросшее в войну за независимость 1810—1826 гг., представляет собой важнейший этап в историческом развитии народов Западного полушария. В ходе борьбы за независимость создавались политически самостоятельные государства и закладывались основы для формирования будущих наций в Латинской Америке.

Война за независимость была обусловлена относительно быстрым ростом производительных сил и развитием товарно-денежных отношений в колониях Испании и Португалии на рубеже XVIII—XIX вв. Заметно возрастал объем торговли колоний друг с другом, метрополией и другими странами. На экспорт шли не только пряности, сахар, кофе, но и обувь, кожи, мясо, упряжь, серебряные и железные изделия и т. д. В ряде американских колоний (Ла-Плата, Бразилия, Мексика, Перу, Куба) возникли мануфактуры, в том числе пороховые, литейные, мебельные, кожевенные, мыловаренные и ткацко-прядильные. В некоторых приморских городах развивалось кораблестроение.

Интересы владельцев местных мануфактур, купцов и ремесленников на каждом шагу сталкивались со стремлением господствующих классов и администрации метрополий воспрепятствовать развитию экономики колоний. Колониальный режим становился невыносимым. Против него поднимались все более широкие общественные круги. Война за независимость явилась прежде всего результатом упорной и продолжительной борьбы угнетенных народных масс против господствовавших в колониях кланов испанских и португальских феодалов и купцов — опоры реакционной монархии в метрополии.

Выступления народных масс, как, например, крестьянское восстание в 1780—1782 гг. в Перу под руководством индейских вождей Хосе Габриэля Кондорканки (Тупак Амару) и Тушай Катари, многочисленные восстания негров-рабов и движение городских низов в Парагвае и Новой Гранаде в XVIII в., расшатали колониальное господство Испании и Португалии в Америке и подготовили революционную освободительную войну.

Многие важные вопросы освободительного движения и войны за независимость американских колоний Испании нашли достаточное освещение или поставлены в советской исторической литературе¹. Советские историки уже дали справедливую оценку прогрессивному характеру освободи-

¹ См. В. М. Миросhevский. Освободительные движения в американских колониях Испании. М.—Л., 1946; М. С. Альперович, В. И. Ермолаев, И. Р. Лаврецкий, С. И. Семенов. Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826).— «Вопросы истории», 1956, № 11, и др.

тельной войны и подчеркнули историческую важность этого этапа в развитии народов Латинской Америки. До сих пор, однако, в советской исторической литературе, кроме книги В. М. Мирошевского, нет монографических исследований и крупных обобщающих работ по важнейшим проблемам освободительного движения и войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке в первой четверти XIX в. Между тем работа В. М. Мирошевского в значительной мере устарела и содержит некоторые серьезные ошибки. В ряде советских учебных пособий и работ освободительное движение в Бразилии неправомерно рассматривается вне связи с борьбой за независимость в испанских колониях. Их авторы не применяют к Бразилии термин «война за независимость», а вместо этого пользуются ошибочными выражениями «Отпадение Бразилии от Португалии», «Отделение Бразилии от Португалии» и т. п.² Слабо пока освещают вопросы освободительного движения в Латинской Америке и советские исторические журналы. В связи с этим автор считает нужным поставить в данной статье некоторые вопросы истории борьбы за независимость американских колоний Испании и Португалии.

* * *

В буржуазной историографии утвердилось мнение, что в противоположность освобождению испанских колоний независимость Бразилии была достигнута мирным путем, по воле просвещенного монарха-самодержца Португалии. Впервые эту версию пытался обосновать еще в 1908 г. крупный бразильский историк-монархист Оливейра Лима в своем объемистом труде: «Дон Жоао VI в Бразилии»³. Паническое бегство королевской семьи во главе с принцем-регентом Жоао в декабре 1807 г. из Португалии, занятой войсками Наполеона, Лима изобразил как заранее задуманный план основания новой империи и осуществления ряда реформ в Бразилии⁴. Современный бразильский историк П. Калмон также утверждает, что с переездом королевской семьи в Рио-де-Жанейро в 1808 г. Бразилия перестала быть колонией⁵. Другой буржуазный исследователь А. Ж. Лакомбе, соглашаясь с заключениями Лимы, пишет, что Дон Жоао VI «был подлинным основателем бразильской нации»⁶. Игнорируя историю народных масс и их борьбу за независимость, эти историки прославляют мудрость Жоао VI и, в особенности, его сына принца-регента Педро, подписавшего в 1822 г. акт о независимости Бразилии.

Необоснованность утверждений буржуазной историографии о добровольном предоставлении Бразилии независимости «сверху» станет совершенно очевидной, если обратиться к основным событиям в истории бразильского народа конца XVIII — начала XIX в. Вооруженный заговор 1789 г. под руководством Тирадентиса против колониального ига Португалии, за создание независимой республики Бразилии был новым выражением глубокого недовольства масс, уже не раз поднимавшихся до этого на борьбу за свое освобождение⁷. О серьезности заговора Тирадентиса можно судить хотя бы по тому, что процесс над его организаторами длился целых три года и над ними была учинена жестокая расправа; сам Тирадентис был четвертован 21 апреля 1792 г.⁸

² См., например, «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I. М., 1940, стр. 392; «Всемирная история», т. VI. М., 1959, стр. 183, и др.

³ O. Lima. Dom João VI no Brasil (1808—1821), vol. I—III, 2a ed. Rio de Janeiro — São Paulo, 1945. Монография О. Лимы до настоящего времени сохраняет значительную ценность как источник, поскольку в ней собран огромный фактический и документальный материал из архивов Европы и Америки.

⁴ O. Lima. Dom João VI no Brasil, vol. I, p. 58—59. Принц-регент Дон Жоао стал королем Жоао VI в 1817 г. после смерти королевы-матери Марии (Безумной).

⁵ P. Calmon. Historia Social do Brasil, t. I—III. São Paulo, 1938, vol. II, p. 11.

⁶ A. J. Lacombe. Brasil. Período nacional. México, 1956, p. 49.

⁷ О народных восстаниях в Бразилии в XVII—XVIII вв. см.: А. М. Хазанов. К вопросу о негритянском государстве Палмарес в Бразилии. — «Новая и новейшая история», 1958, № 2.

⁸ C. Ribeyrolles. Brasil pittoresco. Rio de Janeiro, 1859, p. 71—107.

В 1797 г. в Бразилии вспыхнуло движение за независимость в провинции Байа под руководством портного Мануэля дус Сантоса и священника Агустина. В этом движении участвовали солдаты и городские низы, в том числе мулаты и негры.

Пытаясь предотвратить повторение подобных заговоров и выступлений, португальские власти установили в Бразилии террористический режим. В Инструкции лиссабонского двора от 2 июля 1799 г. вице-королю Бразилии предписывалось: «Наблюдать за поведением всех чиновников и немедленно посылать секретную информацию о тех, кто проявляет сочувствие мятежным принципам якобинства»⁹. Движение за независимость, тем не менее, нарастало. В 1806 г. подняли восстания индейцы наиболее развитых в то время в Бразилии провинций Байа и Минас Жераис. На их подавление была мобилизована вся армия. Началась подлинная истребительная война против индейцев, боровшихся за освобождение и землю. Тысячи индейцев бежали в леса, создавая там новые поселения¹⁰.

В 1808 г. в связи с оккупацией Испании и Португалии войсками Наполеона в американских колониях этих стран создалась благоприятная обстановка для освободительного движения. В испанских колониях местные власти правили именем короля, но сам испанский король был пленен французами, и политическая власть метрополии внезапно обанкротилась.

В Бразилии дела сложились иначе. В марте 1808 г. в Рио-де-Жанейро переехал весь лиссабонский королевский двор с огромной свитой. Еще на пути в столицу Бразилии принц-регент Жоао издал важный указ об открытии бразильских портов для торговли с дружественными странами, а по прибытии в Рио-де-Жанейро он же опубликовал новый указ об отмене закона 1785 г., запрещавшего строительство фабрик и других промышленно-торговых заведений. Эти указы, по словам бразильского просветителя Э. да Кунья, были «почти революционными»¹¹. Однако это были вынужденные уступки со стороны властей. «При нынешнем духе независимости, объявшем все европейские владения в Америке,— писал один из современников событий,— принц-регент нашелся принужденным открыть бразильские пристани для всех народов»¹².

Открытие портов Бразилии и другие реформы королевского двора на некоторое время умиротворили значительную часть купечества и ремесленников, жаждавших свободы торговли. Вскоре, однако, стало очевидным, что пребывание королевской семьи в Рио-де-Жанейро ведет к усилению колониального гнета и увеличению налогов на содержание двора и разросшейся армии.

Видный бразильский общественный деятель того времени Ипполит да Коста, редактор газеты «Коррейо брасиленсе», издававшейся в Лондоне, клеймя португальскую монархию, призывал к отмене рабства и обеспечению политической независимости Бразилии¹³. В Олинде, Байа, Сан-Пауло и других городах страны стали возникать тайные общества и масонские ложи. В 1809 г. в Байа был организован масонский орден «Великий Восток», объединивший под своим руководством масонские ложи Байа и других провинций¹⁴. Португальцы ненавидели эти ложи и опасались их, так как здесь обсуждались злободневные политические проблемы и прежде всего вопросы достижения независимости и уничтожения раб-

⁹ P. Velloso Rebello. Publicações do Archivo publico nacional, vol. I—IV. Rio de Janeiro, 1901, vol. III, p. 114.

¹⁰ A. M. Perdigão Malheiro. A Escravidão no Brasil, t. I—II. São Paulo, 1944, t. I, p. 301, 307.

¹¹ E. da Cunha. A Margem da Historia. Porto — Lisboa, 1946, p. 222.

¹² «Исторический, статистический и географический журнал». М., февраль, 1815, стр. 243.

¹³ E. da Cunha. A Margem da Historia, p. 225.

¹⁴ F. Muniz Tavares. Historia da Revolução de Pernambuco. Pernambuco, 1840, p. 15—16.

ства. Недовольство в Бразилии еще более возросло с началом войны за независимость в испанских колониях. Как писал в январе 1812 г. один русский обозреватель: «скоро Бразилия расторгнет слабые оковы... ибо и туда достигнули искры возрождения Нового Света и там они быстро преобразятся в яркое пламя»¹⁵.

В 1813 г. вспыхнуло крупное восстание негров в провинции Байа. Вооружившись чем попало, негры нападали на помещичьи усадьбы, сжигали сахарные заводы, убивали рабовладельцев и других белых эксплуататоров¹⁶. Зарево пожаров помещичьих фазенд злоеде распростиралось по всему северо-востоку Бразилии. Героически боролись против белых порабощенных и индейские племена. Под влиянием выступлений угнетенных масс и успехов освободительной войны в испанских колониях купечество, ремесленники и городской плебс Бразилии все настойчивее требовали независимости и равенства всех жителей страны. Особое недовольство вызывала дискриминация, существовавшая в армии, где бразильцы могли занимать лишь низшие посты.

Для того чтобы отвлечь общественность от борьбы за уравнивание в правах португальцев и бразильцев, власти предприняли два важных шага. Королевским указом от 16 декабря 1815 г. Бразилия была провозглашена королевством. Вместо прежнего колониального статуса ей было присвоено наименование «Объединенное королевство Португалии, Бразилии и Алгарвы»¹⁷. Это формальное уравнивание Бразилии в правах с Португалией было несомненной уступкой освободительному движению бразильского народа со стороны колониальных властей.

В то же время монархия, желая отвлечь общественность Бразилии от борьбы за независимость, развязала войну за овладение Восточной провинцией (ныне Уругвай.— *В. Е.*). В армию были призваны значительные контингенты местных жителей, в том числе несколько тысяч свободных негров и мулатов. Однако монархии не удалось разжечь патриотического угара. Война вызвала дальнейшее повышение налогов, а призывы в армию лишь раздражали население¹⁸.

Португальский двор в Бразилии располагал крупными военными силами: вместе с рекрутами его войско, находившееся под командованием способного генерала Лекора, доходило до 40—50 тыс. человек. Момент для начала войны был выбран как нельзя более удачно. Это был период временного отлива освободительного движения в испанских колониях, поражения народных сил в войне с роялистскими войсками, внутренних раздоров внутри самого лагеря борцов за независимость Южной Америки. Казалось, победа португальско-бразильских войск над восставшими провинциями Ла-Платы будет быстрой и легкой. На деле же Лекору удалось захватить Монтевидео лишь через год после начала кампании, т. е. 20 января 1817 г., а борьба за завоевание всей Восточной провинции затянулась, фактически, на 12 лет и окончилась неудачно для Бразилии¹⁹.

Причина этого заключалась не только в храбрости герильеров Артигаса и других героев Ла-Платы, защищавшихся от нападения колонизаторов. Главным было то, что королевское войско вело несправедливую войну, крайне непопулярную в бразильском народе и среди солдат. По меткому выражению аргентинского просветителя Альберди, в этой войне «бразильское войско причиняло Бразилии больше разрушений, чем ее

¹⁵ «Исторический, статистический и географический журнал», январь 1812, стр. 34—35; см. также J. de Abreu e Lima. *Compendio da Historia do Brasil*. Rio de Janeiro, 1852, p. 176.

¹⁶ N. Rodriguez. *Os africanos no Brasil*. São Paulo, 1945, p. 87—88.

¹⁷ Архив Внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, д. 9932, л. 18.

¹⁸ O. Lima. *Dom João VI no Brasil*, vol. I, p. 815.

¹⁹ A. Traversoni. *Historia del Uruguay*. Montevideo, 1957, p. 242—243, 253.

враги»²⁰. Бразильские рекруты, вынужденные сменить мотыги и лопаты на ружья, прекрасно понимали, что их заставляют сражаться за несправедливое дело.

С самого начала военных действий началось дезертирство солдат из армии, принявшее весьма широкий размах. Поверенный в делах России при португальском дворе в Рио-де-Жанейро Алексей Сверчков в депеше от 14 июля 1816 г. сообщал по этому поводу: «В бразильских войсках в Рио-Гранде-до-Норте, подготовленных для отправки через порты Пернамбуко и Байа в Монтевидео, большая часть солдат дезертировала, не желая воевать против мятежников»²¹. В армии все шире распространялся дух свободомыслия и борьбы за независимость. «Революционная гидра,— злобно писал европейский путешественник роялист Малер,— подняла свою отвратительную голову и в Бразилии»²².

Обстановка в то время была крайне неспокойной, особенно в наиболее развитых провинциях Северо-Востока — основной колыбели бразильской культуры и торговли. 6 марта 1817 г. выступлением гарнизона в г. Олинда (Ресифе) началось крупное восстание в Пернамбуко, распространившееся затем на провинции Сеара, Паранба, Мараньон, Алагоас. Согласно описанию «Hamburger Politische Journal», «министры его величества (Дон Жоао VI) уже имели с некоторого времени сведения о волнении, господствовавшем в Северных провинциях Бразилии, и о сделанных к революции приготовлениях. Губернатор Фернамбукский (Пернамбуко.— В. Е.) получил приказание взять под стражу особ, замешанных в заговоре. Но это было весьма поздно. Когда губернатор, создав 6 марта военный совет, предписал произвести многочисленные аресты и следствия, то вдруг возникла инсurreкция при помощи народа, недовольного тягостными подачками и экспедицией, отправленной к реке Плате, при содействии милиции и войск, долго не получавших ни жалованья, ни съестных припасов... войска соединились с жителями, оставили губернатора и овладели кораблями в гавани и военными снарядами»²³.

Восставший гарнизон был горячо поддержан горожанами и народными массами провинции, в том числе неграми. С возгласами «Да здравствует независимость! Да здравствует свобода!» рабы и свободные негры, так же как и мулаты, «вооружились пиками, мачете и т. п. и убивали всех тех из богатых португальцев, кто пытался бежать в первый момент»²⁴. Среди вожаков восстания, расстрелянных 25 июня 1817 г., были негры Флориану Соарес — раб капитана Кавалканти, Домингос Маркес и другие²⁵.

В письмах из Пернамбуко, опубликованных 13 марта 1817 г. в газете «Baltimore Patriot» (США), говорилось, что восставшие не встретили серьезного сопротивления, так как губернатор и его помощники, испугавшись размаха движения, бежали в форт, а оттуда отплыли в Рио-де-Жанейро. «Народ,— писала газета,— провозгласил свою независимость»²⁶. В течение трех дней восставшие одержали победу на всей территории провинции. 8 марта, собравшись в здании казначейства, где размещался штаб восстания, патриоты сформировали временное правительство независимой республики во главе с Домингос Жозе Мартинсом — купцом, получившим образование в Лондоне.

Временное правительство опубликовало манифест к народу Пернамбуко и всей Бразилии, а также другие документы, в которых призывало

²⁰ J. B. Alberdi. El Brasil ante la democracia de America. Buenos Aires, 1946, p. 31.

²¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9927, л. 34.

²² O. Lima. Dom João VI no Brasil, vol. I, p. 817.

²³ Цит. по: «Исторический, статистический и географический журнал», сентябрь 1817, стр. 142—143.

²⁴ O. Lima. Dom João VI no Brasil, vol. I, p. 825.

²⁵ «Documentos Historicos», vol. I—CXI. «Revolução de 1817», vol. CV. Rio de Janeiro, 1954, p. 109, 114.

²⁶ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 12118, л. 61—63.

навсегда покончить с королевской тиранией и на ее обломках воздвигнуть свободную независимую бразильскую республику, в которой все жители, европейцы и бразильцы, пользовались бы одинаковыми правами²⁷.

В первую очередь временное правительство конфисковало оружие и задержало все португальские корабли, находившиеся в порту, основало первую типографию в Пернамбуко и ликвидировало налоги, введенные указами принца-регента. Были освобождены все политические заключенные, прекращены процессы в судах, конфискована собственность купцов — противников революции. Пока не обнаружено ни одного документа временного правительства о смягчении рабства негров, но имеется много свидетельств о сочувствии патриотов к ним. «Многие рабы, — признавал Лима, — были отпущены на волю за выкуп или обещание уплатить выкуп в будущем»²⁸. В депеше от 3 апреля 1817 г. консул России в Рио-де-Жанейро Лангсдорф, касаясь событий в Пернамбуко, сообщал: «Мятежники учредили Временный совет из пяти членов... По делам сельского хозяйства назначен собственник земли и рабов. Он дал свободу нескольким сотням своих рабов»²⁹.

С самого начала временное правительство Пернамбуко поставило своей целью поднять на борьбу против португальской монархии и другие провинции Бразилии³⁰. Священник Жозе Инасио Рибейро Лима, по прозвищу «падре Рома», решительный сторонник республики, был направлен в Байя, но был там схвачен и расстрелян 29 марта.

Потерпела неудачу и миссия одного из руководителей восстания Антонио Гонсалеса Кабути в Балтиморе (США). Патриоты рассчитывали получить помощь оружием со стороны США, но эти их расчеты не оправдались. «Кабуга, посланный в США, чтобы получить признание и защиту, — писал Лима, — добился лишь запоздалой посылки некоторого количества военного снаряжения и продовольствия по спекулятивно вздутым ценам. Так, например, в Ресифе пшеница продавалась по 1600—1920 рейс за меру, а американцы продавали ее по 9200 рейс»³¹. Такое отношение к бразильским патриотам, вдохновлявшимся в своей борьбе в известной мере примером успешной войны за независимость североамериканских колоний Англии, Лима объясняет тем, что президент Мэдисон за два месяца до событий в Пернамбуко заверил португальский двор в «строжайшем нейтралитете США» в войне Бразилии против Ла-Платы³². Не получили восставшие помощи и от Англии.

Восстание в Пернамбуко вызвало, по словам русского посланника в Бразилии Балк-Полева, «замешательство и беспорядок при дворе»³³. Лангсдорф называет период восстания «критическим» для португальской монархии³⁴. Отдаленность Пернамбуко от Рио-де-Жанейро и более тесная экономическая связь северных провинций с Европой особенно пугали короля Жоао VI, боявшегося лишиться северных провинций, а затем и всей Бразилии.

Роль палача восставших взял на себя губернатор провинции Байя граф Дос Аркос, который, получив первые известия о восстании, без предварительного согласования с двором сразу принял против восставших решительные и суровые меры. Произведя аресты подозрительных в г. Байя, Дос Аркос направил в Пернамбуко до прихода основных королевских войск карательный отряд из 2 тыс. солдат и блокировал с моря порт Ресифе. Дос Аркос, по характеристике Балк-Полева, «сверхтщеславный человек», не останавливался перед массовыми расстрелами и виселицами.

²⁷ «Documentos Historicos», vol. CV, p. 96—104.

²⁸ O. Lima. Dom João VI no Brasil, vol. I, p. 834.

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9932, л. 6.

³⁰ См. L. Pinto. História do Povo brasileiro. Rio de Janeiro, 1948, p. 154—159.

³¹ O. Lima. Dom João VI no Brasil, vol. I, p. 835.

³² Ibid., p. 836—837.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9932, л. 46.

³⁴ Там же, л. 7.

Королевские войска блокировали Пернамбуко с суши и с моря. Уже через месяц после начала восстания в Ресифе и других городах начал остро ощущаться голод.

Без поддержки извне и при явном превосходстве сил врага временное правительство республики Пернамбуко продержалось 76 дней. В донесении от 19 июня 1817 г. Лангсдорф сообщал: «Королевские войска овладели всей территорией»³⁵. С 16 июня начались аресты и казни патриотов. Свыше двух тысяч участников движения было арестовано и большинство из них сослано на остров Фернандо-до-Норонья³⁶.

Вожди восставших — Домингос Жозе Мартинс, священник Мигель Жоаким Алмейда Кастро, профессор Жозе Кунс Мендонса — были расстреляны; военные руководители — лейтенант артиллерии Антонио Энрикес, капитан Домингос Теотонио Жоржи, викарий Педро Тенорио — повешены; десятки солдат, горожан, негров-рабов расстреляны или заточены в крепость³⁷. Однако герои-патриоты погибли не напрасно. Балк-Полев сообщал в Петербург: «Важность мятежа (восстание в Пернамбуко. — В. Е.) заключается в том, что пущены корни недовольства. Зародился дух, подобный тому, который царит в испанских колониях. Политическая ситуация в Бразилии изменилась. Встал вопрос об отмене торговли неграми и приобщении их к цивилизации»³⁸.

Участник восстания Мунис Таварес впоследствии писал: «Революция в Пернамбуко, хотя она и была скоротечной, составит эпоху в летописях Бразилии; время покажет, что день 6 марта, когда она началась, будет для всех бразильцев днем национального праздника»³⁹.

Крупный современный бразильский исследователь Онорио Родригес, опубликовавший серию документов о восстании, в своих комментариях к ним пишет: «Идеи и революционный опыт 1817 г. серьезно повлияли на 1822 г. Кратковременность восстания и его территориальная ограниченность не были столь важными. Более существенными были его последствия: распространение идеи независимости и решимость изменить существовавшую административную и политическую систему управления»⁴⁰.

Буржуазная революция 1820 г. в Португалии привела к освобождению оставшихся в живых узников восстания в Пернамбуко и к новому подъему борьбы за независимость. Но и период с 1817 по 1820 г. не был спокойным для Бразилии. В многочисленных депешах нового русского посланника при королевском дворе в Рио-де-Жанейро генерала Тейля в эти годы неоднократно сообщалось о брожении в армии и народе. «Положение португальского короля, — писал Тейль за два месяца до португальской революции 1820 г., — очень трудное и критическое. Бразилия, особенно ее северные провинции, такие, как Байя, Пернамбуко, Мараньон, Пара, причиняют непроходящее беспокойство лицам, призванным охранять порядок и спокойствие»⁴¹.

Сведения о португальской революции дошли до Бразилии спустя два месяца. Генерал Тейль в депеше от 20 ноября сообщал: «12 ноября 1820 г. в порт Рио-де-Жанейро вошел португальский бриг «Инфант Дон Себастиан», который принес весть о замене регентства временным правительством... Несмотря на все принятые предосторожности и ночное прибытие брига, публика узнала о главных событиях. Двор находится в большом затруднении... Бразилию охватывает тенденция к прямому отделению от Браганского дома»⁴².

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9932, л. 19.

³⁶ Там же, л. 69.

³⁷ «Documentos Historicos», vol. CV, p. 107—117.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9932, л. 50—53.

³⁹ F. Muniz Tavares. *História da Revolução de Pernambuco*, p. 11.

⁴⁰ J. H. Rodrigues. *Explicação*. — «Documentos Historicos», vol. CIII. Rio de Janeiro, 1954, p. 1.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9942, л. 231—233.

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, д. 9945, л. 330—337.

9 марта 1821 г. португальские кортесы приняли «Основы португальской конституции», в которых провозглашался суверенитет нации, а власть короля значительно ограничивалась. Но кортесы не пошли на отделение Бразилии. В ст. 16 «Основ» говорилось: «Португальская нация является союзом всех португальцев обоих полушарий»⁴³.

Снова во всех провинциях Бразилии активизировалось движение за независимость. В Пернамбуко произошли кровавые столкновения, в результате которых «погибло довольно большое число солдат». Восстания против португальского господства вспыхнули также в Сантосе и Байа, где произошло столкновение между португальцами и бразильцами, боровшимися за независимость своей страны⁴⁴.

26 февраля 1821 г. произошло выступление португальских и бразильских войск в Рио-де-Жанейро в защиту либеральной конституции. Пехота выстроилась в каре на главной площади столицы; из-за города подошла конная артиллерия. «Если кто-либо из начальников частей отказывался вести свои части, он немедленно арестовывался и заменялся на посту низшими чинами той же части»⁴⁵.

Войска потребовали от короля введения конституционного режима, немедленной отставки реакционных министров, равенства прав бразильцев и португальцев и повышения жалованья. Они были поддержаны горожанами, среди которых выделялись два священника, Гоес и Макамба, и майор Пименто — «смелые трибуны», как их назвал монархист Тейль, сыгравшие «во всех этих делах роль пособников, посредников и подстрекателей»⁴⁶.

«Революция, аналогичная Мадридской, Неаполитанской и Лиссабонской, — докладывал Тейль в Петербург 3 марта 1821 г., — совершилась в Рио-де-Жанейро 26 февраля. Несколько часов лилась кровь»⁴⁷. Принц Педро, облаченный в генеральский мундир, тщетно пытался успокоить войска. На его приветствие: «Да здравствует король!», войска единодушно ответили одним словом: «Конституция». Король Жоао VI вынужден был выйти на площадь. В речи, обращенной к солдатам и народу, он дал клятву выполнить требования восставших.

Результаты восстания 26 февраля были значительными: королевским декретом было уравнено жалование бразильских и португальских солдат и офицеров; введена свобода печати; полностью сменен кабинет министров с удалением из него крайних монархистов-колонизаторов. Наиболее важным достижением восставших было право выборов в португальские кортесы и декрет от 7 марта 1821 г. об отъезде короля из Рио-де-Жанейро в Лиссабон. Король был явно напуган событиями 26 февраля тем более, что в Рио-де-Жанейро «были распространены слухи о новом республиканском заговоре»⁴⁸. 19 марта маршал двора издал строгий приказ о запрещении отлучек солдат из казарм и усилении патрулей в Рио-де-Жанейро в целях сохранения «общественного спокойствия».

Король Жоао VI покинул Рио-де-Жанейро 26 апреля 1821 г., поручив принцу-регенту Дон Педро управление Бразилией. Но и с отъездом короля положение не изменилось, а в основных провинциях: Сан-Пауло, Минас Жераис, Пернамбуко и Байа — движение за независимость приняло еще более широкий размах. Патриоты требовали немедленной эвакуации португальских войск, еще остававшихся в Бразилии. Русский консул в Лиссабоне Борель в депеше от 20 октября 1821 г. сообщал, что португальцы опасаются нового взрыва, если их войска не будут эвакуированы из Бразилии⁴⁹. В депеше от 20 декабря 1821 г. русский посланник в Вашинг-

⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 6668, л. 196—200.

⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9945, л. 86—87, 335.

⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9945, л. 88—89.

⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9945, л. 90, 117.

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9945, л. 86.

⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 9945, л. 117.

⁴⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 6670, л. 211.

тоне Полетика писал, что, по сведениям из Пернамбуко, «Бразилию охватила всеобщая революция; португальские власти в Пернамбуко отправились в Лиссабон»⁵⁰. В начале 1822 г. волна восстаний распространилась и на южные провинции Бразилии, особенно на Сан-Пауло.

Положение принца-регента Дон Педро было крайне непрочным. Он задумал тайно уехать из Бразилии, подготовив для этой цели линейный корабль «Дон Жоао VI» и два батальона (1200 человек) личной гвардии⁵¹. Но окружавшие Педро плантаторы, опасаясь социального взрыва, не дали ему возможности осуществить свои планы бегства.

Особенно опасными для господствующих классов были восстания, начавшиеся на Юге Бразилии в Рио-Гранди-ду-Сул, Минас Жерайс и Сан-Пауло, районах крупных кофейных плантаций⁵². По настоянию министра Ж. Бонифасио принц Педро предпринял поездку на юг, чтобы лично попытаться водворить здесь спокойствие. Видя, что положение повсюду чревато революцией, Педро издал 1 августа 1822 г. манифест, ставший своеобразной декларацией независимости Бразилии, окончательно провозглашенной 7 сентября 1822 г. Сам принц Педро признавал в своем манифесте, что «Бразилия уже единодушно провозгласила свою политико-конституционную независимость»⁵³.

Бразильский народ мужественно боролся за свое освобождение от колониального господства Португалии. Лучшие его сыны Мартинс, Мендонса, Алмейда Кастро, Кабуга, Амаро Гомес, Рома и сотни других героев отдали жизнь за свободу и независимость своей родины. Активное участие народных масс в борьбе за независимость Бразилии, в особенности в восстании 1817 г. в Пернамбуко, придавало этой борьбе социальный характер.

Буржуазная историография извращает историю движения за независимость в Бразилии. Долг историков-марксистов восстановить правду о действительных событиях и осветить вклад народных масс Бразилии в дело освобождения всех народов, населявших колонии Испании и Португалии в Америке.

* * *

Борьба за независимость народов американских колоний Испании и Португалии происходила более или менее одновременно. Развитие ее было обусловлено объективными причинами: ростом производительных сил в колониях и кризисом колониального режима метрополий.

До сих пор в марксистской историографии совершенно недостаточно освещается проблема рабства в Латинской Америке, его роль в колониальной экономике и участие рабов в освободительном движении накануне и в период войны за независимость. Между тем хорошо известно, что среди социальных проблем, за разрешение которых боролись массы, одной из важнейших была отмена рабства.

Народы Центральной и Южной Америки до испанско-португальского завоевания почти не знали рабства. Общинное владение средствами производства, отсутствие частной собственности и общий труд исключали обращение в массовое рабство даже тех, кто попадал во временное невольничество в результате плена в войнах индейских народов и племен друг с другом.

Европейские колонизаторы в XVI—XVIII вв. принесли с собой в Америку режим рабства и насилия. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» заметил по этому поводу: «И когда Колумб потом открыл Америку, то он

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12204, л. 60.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 6670, л. 376.

⁵² P. Calogeras. *Formação Histórica do Brasil*. 3ª ed. São Paulo, 1938, p. 103.

⁵³ «Documentos para a História da Independência», vol. I—IV. Rio de Janeiro, 1923, vol. I, p. 390.

не знал, что он этим пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми»⁵⁴.

Особую роль в историческом развитии всех американских колоний играло порабощение негров. Первые партии негров из Африки были доставлены в Новый Свет в самом начале XVI в. в соответствии с указом испанского короля от 1502 г., разрешившим перевоз негров-рабов из Испании в Гаити (Эспаньола).

Массового масштаба работорговля достигла во второй половине XVII в. с открытием новых рудников по добыче цветных металлов и расширением кофейных и тростниковых плантаций. Рабы первоначально продавались по очень низкой цене. Так, например, в Бразилии в XVI в. рабы продавались по 500 мильрейсов (6 американских центов), а в XVIII в. за одного раба платили 12—15 долларов⁵⁵.

К началу XIX в. негритянское население Испанской Америки было весьма значительным: на 16,5 млн. жителей⁵⁶ здесь насчитывалось 700—800 тыс. негров-рабов⁵⁷ (около 8 млн. индейцев, свыше 5 млн. метисов и мулатов, около 3 млн. белых). В Бразилии из 3,6 млн. населения 1,7 млн. составляли негры-рабы⁵⁸. В начале XIX в. в колониях имелась некоторая прослойка свободных и вольноотпущенных негров (в Бразилии в 1817 г. их было 160 тыс., на Кубе — около 100 тыс.). Таким образом, общая численность негритянского населения Латинской Америки в период борьбы за независимость приближалась к 3 млн. человек, т. е. равнялась примерно белому населению колоний.

Наибольшее число негров-рабов, после Бразилии, было в Эспаньоле (Гаити) — 452 тыс. из 520 тыс. населения (1788 г.), на Кубе — 108 тыс. из 432 тыс., на Ямайке, где на каждые 100 жителей приходилось 86 рабов, 4 вольноотпущенных и 10 белых⁵⁹. В Венесуэле к моменту завоевания независимости насчитывалось 62 тыс. рабов, из них 42 тыс. работали на плантациях в провинции Каракас⁶⁰. Наибольшее количество негров-рабов в южноамериканских колониях Испании было в вице-королевстве Рио-де-Ла-Платы (20 тыс.)⁶¹.

Рабы возделывали обширные плантации хлопка, табака, сахарного тростника, кофе и других сельскохозяйственных культур, вывозившихся в Европу. Их руками в нечеловечески трудных условиях добывалось золото, платина, серебро, алмазы и другие металлы и минералы. В 1812 г. Бразилия добывала золота на сумму 32 тыс. золотых марок. Россия — на 2680 марок, США — на 7913 марок. На Бразилию приходилось почти 50% мировой добычи золота⁶².

К. Маркс первым оценил роль рабства в создании основ буржуазной промышленности в Европе: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, — писал он в «Капитале», — искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»⁶³.

⁵⁴ «К. Маркс и Ф. Энгельс об античности». Л., 1932, стр. 220.

⁵⁵ A. Ramos. The Negro in Brazil. Washington, 1939, p. 16—17.

⁵⁶ U. Vega Cobiellas. Nuestra America y la evolución de Cuba. Habana, 1944, p. 51, 120.

⁵⁷ A. Humboldt. Essai politique sur la royaume de la Nouvelle Espagne, vol. I—V. Paris, 1811, vol. II, p. 459.

⁵⁸ F. Denis. Résumé de l'histoire du Brésil. Paris, 1825, p. 335; N. Rodrigues. Os africanos no Brasil, p. 39.

⁵⁹ «Вестник Европы». М., сентябрь 1809, стр. 156—157.

⁶⁰ H. Nectario M. Historia de Venezuela. Caracas, 1947, p. 88.

⁶¹ J. Ingenieros. Sociologia Argentina. Buenos Aires, 1946, p. 450.

⁶² «Исторический, статистический и географический журнал», апрель 1812, стр. 45—46.

⁶³ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1950, стр. 754.

Буржуазные историки-латиноамериканисты (Х. М. Отс, Д. Рамос Перес, А. Таунай и др.), сосредоточивая внимание на второстепенных проблемах истории административных учреждений испано-португальских колоний в Америке⁶⁴, проходят мимо истории рабства, сыгравшего огромную роль в эпоху первоначального накопления в Англии и других странах Европы. Они игнорируют роль негритянского населения в развитии производительных сил колоний, его влияние на формирование культуры и обычаев латиноамериканских народов, активное участие негров-рабов в освободительном движении колоний Испании и Португалии.

Между тем восстания негров-рабов, так же как и восстания индейцев, метисов и мулатов, расшатывая колониальный режим европейских монархий, являлись важнейшим фактором в борьбе за независимость колоний. Негры-рабы приняли непосредственное участие в войне за освобождение от колониального господства, сражаясь в войсках Сан-Мартина и Боливара. Восстания рабов, непосредственных производителей массы колониальных товаров, весьма ощутимо сказывались на развитии не только колоний, но и самих метрополий. Восстание негров и мулатов под руководством Х. И. Чириносо в Коро (Венесуэла) в 1795 г. привело к созданию в Испании тайных обществ, выступавших за отмену рабства и уравнивание в правах негров и белых⁶⁵.

Вооруженная борьба негров-рабов Гаити за независимость (1791—1803 гг.) справедливо оценена Уильямом З. Фостером, как событие, имевшее самые глубокие последствия и оказавшее огромное впечатление на весь мир⁶⁶. Впоследствии независимая республика Гаити стала тем источником, из которого руководители войны за независимость американских колоний черпали не только вдохновение, но и материальную поддержку.

В испанских и португальских колониях в Америке в рабстве находились не только негры, но и значительные массы коренного индейского населения, а также часть мулатов и метисов.

На приисках и рудниках по добыче золота, серебра и алмазов широко использовался принудительный труд индейцев, так называемая «мита». Современные исследователи справедливо относят «миту» к рабству, а не к феодальной форме повинности: «Рабство и мита — равнозначны; мита была отменена лишь с отменой рабства»⁶⁷. Рабочие рудников — митайосы навечно были прикреплены к месту своей работы. Они не имели никаких прав. Труд индейцев был крайне изнурительным. В шахтах по добыче серебра в Потоси (Боливия) от непосильного труда ежегодно умирало в среднем 13 300 митайосов⁶⁸.

Весьма распространенной формой рабства был также пеонаж, тесно связанный с колониальным режимом. Испанский помещик, обладая по королевскому указу правом опеки над индейцами (энкомьенда), платил собранную с индейцев подушную подать в королевскую казну, а десятину — церкви. Индейцы, которые были не в силах уплатить тяжкие подати, попадали в кабалу к помещику, превращаясь из свободных общинников в вечных батраков (пеонов). «В некоторых странах, особенно в Мексике.... — писал К. Маркс, — рабство существует в скрытой форме, в виде

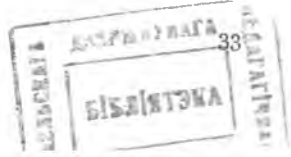
⁶⁴ См. J. M. Ots. *Instituciones sociales de la America Española en el período colonial*. La Plata, 1934; D. Ramos Perez. *Historia de la Colonización española*. Madrid, 1947; A. d' E. Taunay. *Historia Administrativa e Economica do Brasil*. Rio de Janeiro, 1955.

⁶⁵ H. Nectario M. *Historia de Venezuela*, p. 96.

⁶⁶ У. З. Фостер. *Очерк политической истории Америки*. М., 1953, стр. 178.

⁶⁷ A. Valencia Vega. *Desarrollo del pensamiento politico en Bolivia*. La Paz, 1953, p. 31; см. также L. G. Sanchez. *Historia de America*, t. I—III. Santiago de Chile, t. I, p. 283—290.

⁶⁸ A. Valencia Vega. *El Indio, perpetuo Mitayo de las minas*. La Paz, 1956, p. 15. «Мита», как и другие формы принудительного труда, формально не один раз отменялась в конце XVIII — начале XIX в., но фактически продолжала существовать. Испанские кортесы последний раз отменили «миту» и «репартиемьенто» в 1812 г. — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. X, стр. 751.

так называемого «пеонажа». При помощи ссуд, которые подлежат возвращению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становятся фактически собственностью другого лица и его семьи»⁶⁹.

Массовое рабство коренных обитателей было распространено даже в тех колониях, где существовали законы (королевские указы) о запрещении рабства индейцев. Так, например, в Бразилии, согласно указу португальского короля от 1 апреля 1680 г., рабство индейцев запрещалось, но уже в 1686 г. обширные территории бразильской колонии с индейским населением были переданы во владение ордену иезуитов, обратившему повсеместно индейцев в рабство⁷⁰. Иезуиты-рабовладельцы устраивали массовые облавы на еще непокоренные индейские племена, наживаясь на продаже пленных индейцев плантаторам.

Королевские власти сами занимались работорговлей: в 1718 г., по указу короля, в рабство было продано 200 пойманных индейцев, причем выручка от этой сделки пошла в качестве королевского дара на строительство церкви в Мараньоне⁷¹.

Рабство индейцев в Бразилии приняло еще более широкие размеры с переездом королевской португальской семьи в Рио-де-Жанейро и началом истребительной войны против ботокудов и других индейских племен. Согласно королевскому указу от 5 ноября 1808 г., пленные индейцы считались «временными» рабами в течение 15 лет⁷².

Свыше 10 тыс. индейцев-рабов находились в середине XVIII в. в иезуитских миссиях в Парагвае, а также в Уругвае⁷³. Это были настоящие рабовладельческие государства, целиком подчиненные иезуитскому ордену. Большое число «цветных» рабов (негров, индейцев, мулатов, метисов) принадлежало многочисленным монастырям в Мексике, Центральной и Южной Америке. Положение основной массы индейцев, зависимых от светских и церковных феодалов, было близким к рабству.

Именно поэтому борьба за отмену рабства и крепостничества придала движению и войне за независимость социальный характер. Порабощенные массы «цветных» народов сыграли решающую роль в войне 1810—1826 гг. Массовое восстание индейцев Мексики под руководством выдающегося борца за независимость, священника Мигеля Идальго с самого начала выдвинуло социальные требования об отмене рабства и возврате земель, отнятых у индейцев колонизаторами. Одним из первых актов революционного правительства Идальго была декларация от 6 декабря 1810 г. об отмене рабства и подушной подати с индейцев⁷⁴.

В течение 15 лет, с 1809 по 1824 г., порабощенные массы коренного населения Верхнего Перу (Боливия) вели героическую борьбу против испанцев и местных феодалов, оказавшую решающее влияние на победу войск Сан-Мартина в Перу и Сукре в Боливии. Об ожесточенном характере этой борьбы свидетельствует тот факт, что из 102 индейских вождей остались в живых лишь 9, в числе которых была знаменитая героическая предводительница индейцев Хуана Азардуй⁷⁵.

Также героически сражались с испанцами и португальцами на севере современной Аргентины индейцы и негры под предводительством Артигаса и Мартина Гёмеса, отстаивавшие независимость Ла-Платы⁷⁶. Проб-

⁶⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 174.

⁷⁰ A. M. Perdigão Malheiro. A Escravidão no Brasil, t. I, p. 258.

⁷¹ Ibid., p. 269.

⁷² Ibid., p. 302—305.

⁷³ Ibid., p. 278.

⁷⁴ «Los procesos militar e inquisitorial del padre Hidalgo y de otros caudillos insurgentes (Documentos)». Mexico, 1953, p. 20—21.

⁷⁵ F. Reinaga. Belzu. La Paz, 1953, p. 10—11.

⁷⁶ B. Mitre. Historia de San Martín y de la emancipación sudamericana. Buenos Aires. 1946, p. 157—159, 165.

лема национального освобождения неразрывно связывалась, таким образом, народными массами с борьбой за отмену рабства и феодальной эксплуатации.

* * *

Исследование важнейших предпосылок войны за независимость, прежде всего роста внешнеторговых связей колоний, приведшего к образованию значительного слоя торговой буржуазии, возникновения первых мануфактур, начавшегося вытеснения рабского труда наемным, дает ключ к пониманию идей свободы и независимости, распространившихся по всей Америке на рубеже XVIII—XIX вв.

Среди руководителей движения за независимость были более и менее радикальные деятели, выходцы из помещичьей среды и разночинцы, белые и индейцы, но все они в той или иной мере служили делу освобождения своих народов от колониального ига и объективно выражали интересы капиталистического развития. В борьбе против отживающих устоев колониального общества с его непомерными сборами податей и налогов, рабством и крепостничеством масс, а также церковным мракобесием и расовой дискриминацией в умах патриотов рождались передовые идеи независимости и свободы. Эти идеи прежде всего отражали реальную действительность, являлись протестом против порабощения.

Многие современные буржуазные историки, извращая конкретную историю народов американских колоний, пытаются объяснить развитие движения за независимость чисто внешним, европейским, влиянием, идеями Французской революции и т. п.⁷⁷

Французская буржуазная революция XVIII в. и война за независимость североамериканских колоний, как и многие другие внешние факторы, несомненно содействовали и убыстряли процесс вызревания предпосылок войны за независимость колоний Испании и Португалии. Но сама эта война и идеи, вдохновлявшие на нее патриотов, определялись внутренними причинами.

Массы индейцев, метисов и мулатов не имели никакого представления о французских и североамериканских просветителях, по именно они были решающей силой освободительной борьбы. «Достаточно отважных гаучо Сальты и двух эскадронов добрых ветеранов,— писал в 1814 г. Сан-Мартин,— чтобы отстоять весь север Аргентины от вторжения испанских войск»⁷⁸. Антонио Паэс, возглавлявший героические отряды индейцев и негров, в своей «Автобиографии» говорит о рядовых патриотах, в том числе о негре Педро Камехо, как о людях, вписавших «много славных и героических страниц в историю нашей независимости»⁷⁹.

Справедливо то, что один из самых выдающихся борцов за освобождение Ла-Платы, идейный вождь Майской революции Мариано Морено с увлечением читал литературу французских просветителей, и в частности «Общественный договор» Руссо⁸⁰. Но именно Морено начал свой путь

⁷⁷ Весьма плодотворный аргентинский реакционный историк Э. Гандиа вопреки здравому смыслу и историческим фактам считает, например, что никаких идей у восставших патриотов не было, а сама независимость колоний явилась якобы «реакцией испанского католицизма на атеизм Французской революции и Наполеона I».— См. V. F. Lopez. *Historia de la República Argentina ampliada desde el descubrimiento hasta nuestros días* por E. de Gandia, t. I—VIII. Buenos Aires, 1957, t. VII, p. 547, 549. А. Паласиос объясняет идеи движения за независимость влиянием учения Фомы Аквинского, который будто бы своей философией христианского равенства оказал влияние на избранное меньшинство в колониях, а это меньшинство в свою очередь подняло на борьбу массы.— A. Palacios. *Masas y Elites en Iberoamérica*. Buenos Aires, 1955, p. 54—55.

⁷⁸ «Actos del Congreso nacional de Historia del Libertador general San Martín», t. I—VI. Mendoza, 1955, t. IV, p. 327.

⁷⁹ J. A. Paéz. *Autobiografía*, t. I—II. New York, 1869, t. I, p. 101.

⁸⁰ J. Ingenieros. *La evolución de las ideas argentinas*, t. I. Buenos Aires, 1951, p. 148.

борца за независимость колоний с написания трактата, направленного против «миты» как формы рабства индейцев на рудниках Южной Америки⁸¹. Морено был страстным борцом против колониального режима, рабства, крепостничества, иезуитского мракобесия, телесных наказаний, неравенства белых и «цветных». Его наиболее радикальный сподвижник Бернардо Монтеагудо в 1809 г. сам принял непосредственное участие в восстании индейцев за свободу и землю. Одним из первых актов восставших было освобождение населения от непосильных налогов⁸².

Мигель Идальго, который, по словам мексиканского просветителя Х. М. Луис Мора, читал и даже имел «некоторые книги, строго запрещенные инквизицией»⁸³, во всей своей практической деятельности исходил прежде всего из потребностей прогрессивного развития страны. Борясь за независимость, он одновременно выступал за отмену рабства, подушной подати, церковной десятины и других поборов, угнетавших народ. 16 сентября 1810 г. Идальго обратился к своим прихожанам с знаменитой речью (*Grito de Dolores*), в которой прежде всего сказал: «Соотечественники и друзья мои! Для нас нет больше ни податей, ни короля. Позорный рабский налог довлел над нами в течение трех веков, как символ тирании и рабства... Пробил час нашего освобождения!»⁸⁴.

По свидетельству Луиса Мора, другой вождь освободительного движения Мексики Х. М. Морелос мало разбирался в философии просветителей, но, руководя борьбой масс, он блестяще внедрил в жизнь принципы народного представительства и новые методы борьбы с инквизицией и господством церковной иерархии⁸⁵.

В ходе продолжительной войны за независимость Венесуэлы переломным стал 1816 г., когда Боливар под влиянием президента Гаити мулата Петиона издал декрет об отмене рабства. Массы негров и мулатов начали вступать после этого в революционные войска. Негров было так много и они столь мужественно сражались с колонизаторами, что Боливар намеревался даже создать на территории Венесуэлы самостоятельную негритянскую республику⁸⁶. Выступление Боливара в Окумаре 6 июля 1816 г., когда он объявил об освобождении всех рабов, о войне не на жизнь, а на смерть против колонизаторов и о прощении всех, даже испанцев, поддерживающих восставших⁸⁷, было революционным актом патриота-гуманиста.

Идеи Боливара наиболее полно были отражены в составленной им в 1825 г. конституции Боливии. В соответствии с основными требованиями народных масс, участвовавших в разгроме испанцев, Боливар внес в эту конституцию статьи об отмене рабства, равенстве всех боливийцев, независимо от цвета кожи и религии, отмене титулов и др.⁸⁸.

Достижение независимости было главной целью революционной борьбы масс и их руководителей против колонизаторов. Но идея независимости органически связывалась в умах патриотов с необходимостью отмены рабства, остатков «миты», подушной подати, сословных титулов, расовой дискриминации, телесных наказаний, схоластики и инквизиции, ограничения экономической и политической мощи церкви. Многие борцы за независимость (Виейтес, Идальго, Ривадавия) ставили перед восставшими колониями конкретные задачи развития сельского хозяйства, промышленности и торговли. Мариано Морено, будучи назначен в 1811 г. послом Ла-Платы в Лондон, составлял до своей неожиданной смерти на

⁸¹ A. Valencia Vega. Desarrollo del pensamiento político en Bolivia, p. 44—49.

⁸² «Historia». Buenos Aires, 1956, № 5, p. 46.

⁸³ J. M. Luis Mora. Ensayos, ideas y Retratos. México, 1941, p. 167.

⁸⁴ M. Sanchez Jimenez. Hidalgo, antorcha de eternidad. México, 1956, p. 177.

⁸⁵ J. M. Luis Mora. Ensayos, ideas y Retratos, p. 174—175.

⁸⁶ S. de Madariaga. Bolivar, t. I—II. México — Buenos Aires, 1953, t. I, p. 543—544.

⁸⁷ H. Nectario M. Historia de Venezuela, p. 158.

⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12222, л. 203.

пути в Европу планы свободной торговли бывших колоний со всеми странами мира.

Борьба за независимость народов испанских и португальских колоний в Америке и передовые идеи латиноамериканских патриотов получили огромный отзвук в Европе и во всем мире. Не случайно в освободительной войне на стороне восставших сражались передовые представители европейской эмиграции и волонтеры. В войсках Боливара находились русские: Иван Миллер и подполковник Иван Минута, а также много поляков, среди которых особую известность получили подполковники Сираковский и Скибисский. Последний был назначен позднее (в 1824 г.) послом Колумбии в США ⁸⁹.

Идеи и практический опыт борьбы за независимость американских колоний Испании и Португалии оказали несомненное влияние на общественное мнение и борьбу за освобождение некоторых угнетенных народов Европы, на дальнейший ход мировой истории. Все эти вопросы требуют еще изучения и разработки советскими историками.

Волна освободительного движения, охватившая в первой четверти XIX в. всю нынешнюю Латинскую Америку и превратившаяся в войну против колониального гнета, была, как и война за независимость североамериканских колоний, «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немало» ⁹⁰.

Прогрессивные идеи об отмене всех форм принудительного труда, о развитии сельского хозяйства, собственной промышленности и торговли со всеми народами, равно как и великие идеи национальной независимости, суверенитета и народного представительства, вдохновлявшие латиноамериканских патриотов на борьбу против колониализма, не утратили своего значения и до настоящего времени. Празднуя 150-летний юбилей существования своих государств, народы Латинской Америки могут с гордостью считать передовых носителей этих идей — героев борьбы за независимость Мигеля Идальго, Хосе Морелоса, Мариано Морено, Хосе де Сан-Мартина, Симона Боливара, Хосе Артигаса, Бернардо О'Хиггинса, Д. Мартинса и многих других своими живыми современниками.

⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12236, л. 55—56.

⁹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 44.

